

70 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Наука в Сибири

Война и мы

Из архивных материалов ИИХ СО РАН

Мы благодарны судьбе за то, что свела столько людей из разных городов огромной страны в удивительном месте — Академгородке, который поддерживает нас в трудные, неуютные для старшего поколения времена своей природой, особой атмосферой, воспоминаниями. У каждого своя судьба, но есть то, что объединяет всех: это наша общая история, вошедшая в анналы XX века как подвиг мужества, огромного труда и высокого патриотизма в Великой Отечественной войне.

Идут годы. Меняемся мы и возраст Победы. Это только в песне поется — «Победа остается молодой». В жизнь входит поколение, становление которого пришлось на трудное безвременье. Нынешним молодым прошлое видится по-другому. Вот почему нам показалось важным обратиться к документальному архивному материалу, собранному энтузиастами Института неорганической химии 30 лет назад — к 40-летию Победы. В этих воспоминаниях, нелегко давшихся их авторам, встает образ борющейся страны, где фронт и тыл едины. В них нет злобы, обиды на страну и людей, а есть смиренное народное — «Так жили все».

Нет и не может быть абстрактной памяти, как и отвлеченного понятия «Родина». Воспоминания о самых близких нам людях — отцах и матерях, отстоявших нашу страну, защитивших нас, детей, часто ценой своей жизни — делает для нас, живущих, понятие «Великая победа» конкретным, кровным, родным. Память народа слагается и из нашей с вами памяти, семейной, из сыновней и дочерней благодарности.

Дети войны

Война коснулась каждого из нас, даже тех, кто узнал о ней много лет спустя. Но первыми резкий, роковой поворот судьбы ощутили те, кто был 22 июня 1941 года на самых западных границах страны.

Так, в самый первый день войны погиб отец Галины Мардежовой. Он был командиром Красной Армии в ныне легендарном Бресте. И он не успел ничего узнать о своей дочке, потому что сама Галя родилась лишь осенью 41-го, в том же Бресте, но уже оккупированном немецкими фашистами. И первые годы Гале пришлось провести в Германии, куда была угнана ее мать.

Отец четырехлетней Зины Ларионовой служил на границе в Молдавии. Когда его подняли по тревоге, Зину отнесли в детский дом, так как мать была в больнице. И две первые военные ночи Зина провела в дважды непривычной обстановке — без родителей и под бомбежкой и обстрелом. С огромными трудностями матери удалось вывезти Зину в Пермь (в то время Молотов).

Восьмилетний Володя Ковшарь узнал о начале войны от отца: «Мы жили в Западной Белоруссии, в 70 километрах от Минска. Отец работал железнодорожником. О начале войны узнали очень рано, отец был дежурным по станции и ему передали. В 6 часов он прибежал домой и сказал матери, чтобы собирала вещи. Для семей железнодорожников был выделен вагон, хотя и не приспособленный для перевозки людей. В Минске сразу попали под бомбежку. Чувство было жуткое. Свист и грохот бомб и снарядов сменялся гудками паровозов, вагон был весь продырявлен. В наш состав бомба попала через два вагона от нашего. В Орше вагон отобрали. Решили добираться в Донбасс к родственникам. Тут мать меня чуть не потеряла. Она с двумя сестренками пошла в вагон, а я остался на перроне с вещами. Когда мать хотела вернуться за мной, то просто не смогла выйти. Что-то кричала мне, но я не понимал и отойти от вещей тоже не мог. Когда ей удалось выскочить, поезд тронулся. Она схватила меня, и в вагон мы забирались на ходу. Все вещи остались на платформе. Денег у матери не было, но люди оказались отзывчивыми, они делились с нами едой».

А вот как вспоминает о первом дне войны Наталья Михайловна Николаева, которой было тогда 12 лет: «Война застала нас на полуострове Ханко. Это у входа из Балтийского моря в Финский залив. После финской войны он был арендован Советским Союзом у Финляндии. Там служил отец. Хорошо помню день 22 июня 1941 года. Ночью отца вызвали в штаб и, видимо, сообщили, что началась война и семьи срочно эвакуируют. Утром он

забежал домой и сказал, чтобы мы собирались в Ленинград. В 8 часов утра уже была слышна стрельба, моряки на улице и во дворе ходили все с оружием и в черной форме, хотя накануне были в летней белой. Мы были удивлены такой переменной, но нам сказали, что идут учения. О том, что это война, мы узнали только в 12 часов из речи Молотова по радио».

В эвакуации

Уже в первые дни возникло это непривычное слово — эвакуация. В словаре о нем сказано: «Вывоз людей, учреждений, имущества из опасных местностей». Скоро, очень скоро такими опасными стали многие и многие местности.

Наташа Николаева, добравшись через Таллин в Ленинград, где 29 июня была первая воздушная тревога, уже 5 июля вместе со своей школой выехала в Ярославскую область. Двумя днями раньше из Ленинграда увезли под Старую Руссу девятилетнюю Галю Смирнову. Вскоре и там начались бомбежки, и матери пришлось разыскивать своих детей, вывезенных в разные места, на промежуточных станциях. К осени они добрались до Новосибирской области, где и жили три долгих военных года.

3 июля из Новоржева (Псковская область) эвакуировался 12-летний Борис Пещевецкий. Вместе с матерью ему при-

д.х.н. Пещевецкий Борис Иванович

шло добираться пешком, под гул артобстрелов, до г. Калинина. И в эти же дни из Калинина в Киров мать увозила двухлетнего Вову Белеванцева — через 22 года он

д.х.н. Белеванцев Владимир Иванович

станет аспирантом и сотрудником Бориса Ивановича. А сам Борис некоторое время провел в Ярославле, где ему потом пришлось быть свидетелем одной из самых страшных бомбежек города. И не исключено, что там он сталкивался с кем-нибудь из будущих ИИХовцев — восьмилетними Славой и Эльвирой Торговыми или Володицей Бакакиным, которые жили в этом же

д.х.н. Торгов Владислав Германович

городе, официально тыловом, но подвергавшемся регулярным налетам бомбардировщиков.

В 42 году через Ярославль вывозили земляков Николаевой, Смирновой, Пещевецкого — ленинградцев, которые оставались в осажденном блокированном городе-герое. Говорить предметно о блокадном Ленинграде тем, кто там был, невозможно трудно даже спустя десятилетия. Не тревожа тяжелой и страшной памяти о пережитом, просто отметим, что блокада Ленинграда непосредственно затронула судьбы четырех наших сотрудников: Хильмы Петровны Сурковой, Веры Михайловны Емельяновой, Геннадия Егоровича Потапова, Александра Филипповича Корецкого.

д.х.н. Корецкий Александр Филиппович

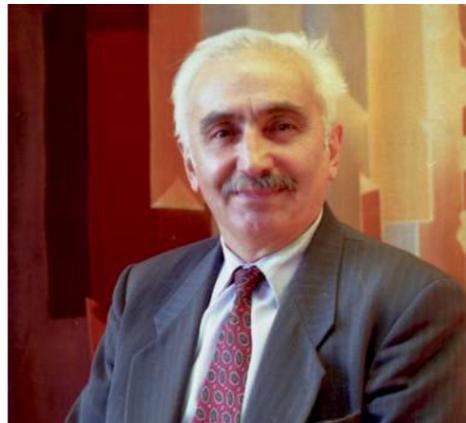
До этого студент-морьяк Корецкий получил боевое крещение на грузовых транспортных судах на Балтике, а детдомовцу Потапову удалось не только выжить, но и воевать в 43-м в морской пехоте.

В начале октября 41-го из Ростова-на-Дону под бомбежкой увезли шестилетнего Лёву Мазалова. А его земляк сту-

д.ф.-м.н. Мазалов Лев Николаевич

дент-первокурсник Константин Миронов 10 октября уже не мог уехать из города: до Сальска он шел пешком, все дороги были забиты беженцами. В дальнейшем Константину Евгеньевичу пришлось эвакуироваться еще и из Краснодара — но уже в качестве ответственного за оборудование спецпредприятия, выпускавшего боеприпасы для крымских партизан. Выезжал он в Тбилиси на завод №316 Наркомата боеприпасов, его путь проходил через Новороссийск, уже наполовину осажденный, откуда в те дни увозили шестилетнего Юру Дядина.

д.х.н. Дядин Юрий Алексеевич

Чуть раньше, 20 сентября, из Днепрпетровска в сторону Кавказа спешно уезжал с матерью 11-летний Марат Грайфер. Ехали на открытые платформы, под бомбами и даже пулеметным обстрелом. Потом им пришлось уходить пешком. Шли они через Бештау в Пятигорск, и на их глазах туда

«Мы дети тех солдат. Мы ветви дерева. Нам память поколения доверена»

В. Костров

был сброшен на парашютах немецкий десант. В начавшейся панике Марат потерял мать. Он остался один посреди войны. Далее он прибил к какой-то семье, выбрался через Махачкалу, Баку, где были не только очереди на эвакуацию, но и очередные бомбежки. В Краснодаре он снова остался совсем один и, как многие ребята той поры, стал беспризорником. Изъездил с двумя такими же пацанами полстраны. В Свердловске, при очередной поимке, один милиционер-инвалид не только поделился своим куском хлеба, но и выпросил у Марата сведения о матери и обещал сделать запрос в центральное эвакубюро. Когда через полгода Марат снова попал в Свердловск, от этого милиционера он узнал, что его мать находится под Самаркандом. Так, через два с лишним года, Марат нашел ставшую совсем седой мать и перестал быть сиротой.

В оккупации

Те, кто не смог эвакуироваться, попадали в оккупацию. Это — тяжелейшее испытание, через которое прошли многие советские люди, и в их числе десять сотрудников ИИХ. Слава Любимов (Калужская область), Слава Белый (Ростовская область), Слава Габуда (Карпаты),

д.ф.-м.н. Габуда Святослав Петрович

Володя Фёдоров (Псковская область),

д.х.н. Федоров Владимир Ефимович

Володя Лисойван (Харьковская область), Володя Ковшарь (Ворошиловградская область), Люба Марочкина (Ворошиловградская обл.), Люба Старостина (Курская область), Костя Халдяниди (Ставрополь-

д.х.н. Халдяниди Константин Афанасьевич

ский край) и Устин Болоболов (Витебская область).

Из воспоминаний Владислава Николаевича Любимова: «Жили мы в маленьком городке Козельске, недалеко от Калуги, мне тогда было 9 лет. В сентябре вместо школьных занятий нас послали на сельскохозяйственные работы, собирать колоски, копоть картошку. А 8 октября после боя наш город заняли фашисты. Сразу же повесили на площади секретаря райисполкома

и нескольких коммунистов и целый месяц не разрешали снимать. Немцы не считали нас за людей, мы были на положении рабов, и это — самое страшное. Полностью разграбили город, ни еды, ни вещей не оставалось в домах, брали всё, что захочется. У меня унесли даже плюшевого мишку. Питались тем, что могли выменять, собирали мерзлую картошку; горстка зерен, размоченных в воде — это на целый день. А немцы еще говорили, что Москва и Ленинград пали и России больше нет...».

Из воспоминаний Любови Ивановны Старостиной: «21 июня 1941 г. я выехала вместе с бабушкой из Керчи в Курскую область, в гости к тете. По дороге узнали о начале войны. Бабушка, видевшая войну 14-го года, решила: «Ну что, девчонки, поедим! Пока они будут воевать, мы успеем съездить и вернуться». И поехали. У тети в глухой деревне были свой дом и восемь детей. Наши войска отступали, по дороге сжигали всё, чтобы не досталось врагу. Потом наступили дни безвластия. Мы ходили на элеваторы и выбирали зернышки. Когда пришли немцы, взрослые все сидели по домам, а мы, ребяткишки, преодолевая страх, бегали по улице и смотрели. Дома рассказывали и показывали, как шли немцы, хмурые, повязанные поверх сапог тряпками. Всем было очень смешно. Но вскоре стало не до смеху. Выбрали полицая, комендантом был немец, всех выгоняли на работы. Было очень голодно, ребяткишки ходили с опухшими пальцами. В домах из продуктов всё забрали. Помню, у нас сохранилась гусыня и ее посадили высиживать несколько яиц. Она сидела уже больше недели, и тут приехали немцы: «Хозяйка, молоко, масло, яйца?» — «Ничего нет». Они посмотрели в шкафах, все проверили, действительно, ничего нет. И надо же было одному немцу увидеть гусыню. Ее и есть-то было нельзя, кожа одна осталась. Немец вытащил пистолет — и на бабушку: «Ты партизанка, я тебя буду стрелять!» В одной руке пистолет, в другой — гусыня. Нас, детей, было десять человек, как мы плакали! А тут еще гусыня кричит. Не знаю, что подействовало на полицая, но он стал отговаривать немца. Еле его увели».

Из воспоминаний Владимира Степановича Ковшаря: «После спешной эвакуации, фактически бегства из Западной Белоруссии, мы жили у родственников в Донбассе. Когда стал приближаться фронт, мимо шли наши части, уставшие, измученные. Помню одного солдата, он останавливался у нас; умный был, но не смог объяснить, почему они отступают. Все говорили, что немец прет, как сатана, и не только мы, но и взрослые думали, что немцы — это не люди. Пока мы там жили, наша деревня переходила из рук в руки три раза. Помню одного лейтенанта, молодой такой, красивый. Его взвод останавливался у нас. Еще пулеметчик был со странной фамилией Дуб, а у лейтенанта фамилия — Цветков. Он мне давал посмотреть в прицел снайперской винтовки. Они два раза освобождали нашу деревню и оба раза останавливались у нас. Все они погибли, на небольшой горке за деревней».

Из воспоминаний Любови Яковлевны Марочкиной: «Наша большая семья жила в Ровенских, недалеко от Краснодона (Ворошиловградская область). Когда немцы подходили к городу, наши взорвали шахты, элеватор, зернохранилище. Мы немного зерна успели порастаскать. Город заняли немцы и румыны, к нам встал на постой офицер-летчик. Вел он себя спокойно даже показывал нам фотографии своих детей. А однажды, когда двое моих братьев попали в жандармерию, ходил туда разбираться, и ребят отпустили.

Отец мой воевал еще в финскую и в 41-м сразу ушел на фронт. Во время отступления наших войск он проходил через соседний городок, и мы бегали на свидание. А в 44-м он пропал без вести: помню, как принесли извещение. Но мы не верили, что его больше нет. После войны мы с подружкой бегали встречать с цветами каждый эшелон. И ведь она дождалась! Через шесть лет вернулся ее отец — после плена и лагерей. А мы только в 1965 году с помощью красных следопытов узнали, что отец погиб в Молдавии, похоронен в братской могиле. Мы ездили туда, очень благодарны местным жителям за память, заobelisk на могиле нашего отца».

Из воспоминаний Устина Петровича Болоболова: «Войну встретил шестилетним пацаном в деревне Мерзляки Витебской области. Все молодые ребята с 14 лет и старше ушли в партизаны. Днем в деревне хозяйничали немцы. Приезжали гестаповцы, каратели по борьбе с партизанами, хватили и расстреливали по малейшему подозрению. Немцы

прогоняли через деревню колонны евреев, расстреливали их неподалеку. Партизаны приходили ночью, приносили сводки с Большой земли, брали продукты. Они казнили старосту и полицая».

На фронте

А теперь о наших «более взрослых» сотрудниках — ветеранах Великой Отечественной войны. Тысячи тысяч жизней и неповторимых судеб вложили в фундамент будущей Победы те, кто в 40-х годах были за порогом детства и отрочества, кому пришлось на этой страшной войне именно воевать. И в их числе не один десяток будущих ИНХовцев. Но они — люди скромные, их личные свидетельства скудны. И наши сведения о них, к сожалению, очень и очень неполные.

С первых дней войны на Ленинградском фронте сражался гвардии старшина Леопольд Григорьевич Пельман: «Наш полк

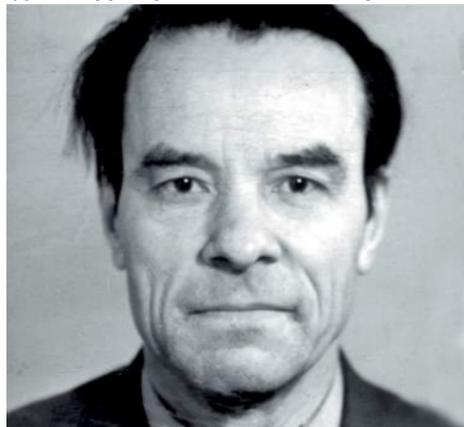

Пельман Леопольд Григорьевич, конструктор

состоял в основном из молодых летчиков и механиков, все мы только что окончили училище. Стояли мы сначала в Невской Дубровке под Ленинградом, затем в Красном Селе на кингисеппском направлении. Там нас в первый раз бомбили, и там же происходили первые воздушные бои. Потом их было много, много было потерь и в летном, и в техническом составе. А тогда наша эскадрилья хоть и находилась в состоянии первой боевой готовности, но ракеты на взлет была дана, когда немецкие самолеты уже были над аэродромом. И поднимавшиеся наши самолеты сбивались на взлете. Мой летчик Тохторов был сбит так же, не успев набрать высоту. Штурмовики-бомбардировщики «Мессершмитты-110» построились в кольцо и методично бомбили весь аэродром.

Блокада Ленинграда сжималась, и наш полк перебазировался в город, на аэродром под Пулковскими высотами. Наши летчики совершали по 5–6 вылетов в день. Нам, механикам, приходилось работать и днем, и ночью, и в морозы, подерживая боевую готовность самолетов. За годы войны я обеспечил не одну сотню вылетов. Мой летчик Володя Шестаков сбил одиннадцать вражеских самолетов и участвовал во многих штурмовках».

Ушел в армию добровольцем и воевал с октября 1941-го по октябрь 1942-го под Москвой и далее — на Северо-Западном фронте Дмитрий Стоянович Миринский.

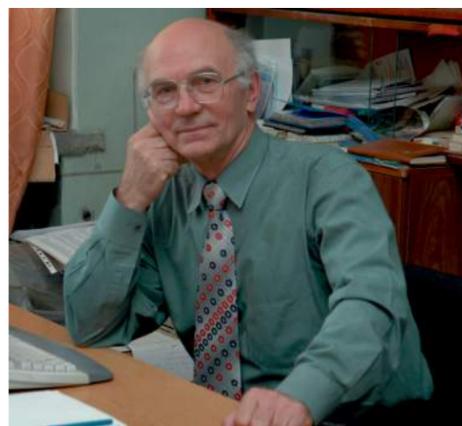

к.т.н. Миринский Дмитрий Стоянович

К сожалению, потом он как этнический болгарин — был отстранен от участия в боевых действиях.

Гвардии старший сержант Иван Игнатьевич Федоров принял боевое крещение под Сталинградом. 12 сентября 1942 года он командовал пулеметным отделением, отбивая непрерывные атаки противника. Погибли все бойцы отделения, сам Федоров получил тяжелые ранения. В госпитале он узнал, что в этом бою им лично уничтожены 68 фашистов.

Вместе с Иваном Игнатьевичем под Сталинградом начинала свои сражения Нина

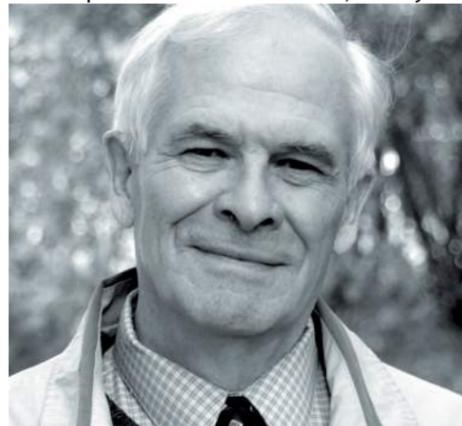
д.х.н. Федоров Владимир Ефимович Филипповна Дидора — военная медицинская сестра. Она закончила войну в 45-м,

Дидора Нина Филипповна, старший инженер под Кенигсбергом, в г. Рауши Восточной Пруссии. В числе ее наград медали «За оборону Сталинграда» и «За взятие Кенигсберга».

Значительно позже, в далеком и уже не военном Красноярске, в госпитале для особо тяжело раненных бойцов работала медсестрой тогда совсем юная Нина Никифоровна Матвеева.

Относительно мирно сложилась военная судьба у Эдуарда Викторовича Матизена: призванный осенью 43-го, он служил

д.ф.-м.н. Матизен Эдуард Викторович курсантом сначала в полковой школе, затем в 1-ом Тюменском пехотном училище.

Владимиру Ивановичу Синкину, командир взвода связи, освобождавшему в 1943 Киев, довелось участвовать и в победном штурме Берлина: «Я получил приказ — дать связь «катюшам» для артподготовки штурма Берлина. Связь была дана вовремя и точно к месту. Над городом поднялось облако дыма, а через два часа я снял связь и въехал в Берлин».

Велики были солдатские потери, особенно горькие в последние ратные дни. Но нашим солдатам-освободителям, прошедшим, казалось бы, все ужасы войны, под конец пришлось столкнуться еще и со страшной системой фашистских концлагерей, освобождая их узников. Среди сотен тысяч других концлагеря довелось пройти родителям Альберта Пирожкова, Любы Старостиной, Вали Смоляковой, Гены Маркова.

После победного мая 1945-го мирная передышка длилась лишь три месяца. На восточных границах СССР оставался еще один источник империалистической агрессии — Япония. Вместе с героем Сталинграда Иваном Федоровым в этой войне довелось участвовать и более молодым ветеранам: Екатерине Дмитриевне Поповой (Синицкой), Юрию Ивановичу Полозову, Петру Антоновичу Портнягину, Константину Ивановичу Дуданцу, Тимофею Евдокимовичу Чардынцеву.

В тылу

Пусть не в меня в прямом бою
Вонзался штык чужой оранки,
Прошли сквозь молодость мою
Года тяжелые, как танки.

О, трудный марш очередей
За хлебом, клеклым от бурьяна,
И над молчаньем площадей
Суровый голос Левитана.
А дети в ватниках худых,
А вдов опущенные плечи.
Нет горше будней фронтовых,
Но эти — вряд ли были легче...
Л. Татьяначева

Из воспоминаний Марии Николаевны Нестеренко: «...Всю войну работала агрономом-зерновиком в Акмолинской области в Казахстане. Мужчин в селе не было, работали женщины, дети, начиная с шести лет — иногда их прямо сонных сажали погонщиками на лошадей. Сеять приходилось из лукошек, на больших площадях. Работали мы без выходных, без отпусков. В уборочную комсомольцы после рабочего дня скидывали сено до 4–5 часов утра. Сейчас бы, конечно, не смогли, а тогда все старались, были подтянутые и веселые.

Привозили много эвакуированных. Помню, как отощавшие ленинградцы умирали от заворота кишок, им давали картошку, они по ночам варили и ели, а врач был один на все село. Я жила на квартире, своего ничего не было. В столовой кормили щами из кислой капусты да кашей из проса. Вообще все приезжие голодали. Но все было подчинено фронту. Если что доставали, отправляли на фронт — сушили сухари, вязали варежки...».

Из воспоминаний Ольги Филипповны Нестеровой: «Мы жили в Новосибирской области, в поселке Березовый Лог — это на месте нынешнего Академгородка. В войну мы работали от зари до зари. Была одна цель — прокормить фронт, ну и себя, конечно, тоже. Наши колхозники (колхоз «Труд») собрали и отправили деньги на два самолета.

Муж воевал, был трижды ранен: в 42-м — под Воронежем и под Сталинградом, и в 45-м — 3 мая в Берлине. Сейчас он инвалид войны. У нас 7 детей и 14 внуков. Здесь работаю уже 22 года».

Из воспоминаний Александры Ивановны Турубановой: «Я жила в Казани, работала на авиационном заводе клепальщицей. Выпускали мы в день по двадцать самолетов (пикирующих бомбардировщиков). Рабочие смены были по 12 часов, ночную и дневную смены не меняли по месяцу, так как для этого надо было на 12 часов останавливать производство. Работали иногда и больше, пока не выполнишь задание. До завода добираться далеко, около двух часов, и около двух часов каждый день очереди за хлебом. Спать некогда и опаздывать нельзя, за три опоздания из пайка вырезали 200 граммов хлеба, а кроме хлеба почти и есть нечего: на месяц по «рабочей» картошке полагалось полкилограмма крупы, сахара, растительного масла или мяса (чаще рыбы).

Была я и донором, после сдачи крови нас кормили в директорской столовой. Тоже смех и грех с такими донорами: сдавать надо было по 500 граммов, а у меня как-то взяли 400, а больше не получалось — слабые ведь были, даже сознание теряли. Еще страшное бедствие — похоронки, почти никого они не обошли».

Много мы пережили тяжелого, но ведь так жила вся страна. И мне кажется, мы еще не все понимали, все ужасы и трагедию войны осознали позже. Когда я воспитывала своего сына, то очень боялась, что снова будет война и старалась дать ему всё самое лучшее, чтобы он успел почувствовать только хорошее в жизни. Может быть, этим мы и избаловали целое поколение. Мы ведь сами-то ничего не видели: работа целый день, очередь за хлебом, в доме света даже не было. Но мы, наверное, ко всему этому были готовы.

В Новосибирск я приехала в 1950 году. Была одним из первых строителей Шлюза, Советского района. Здесь еще ничего не было — только просека и первый барак, баня в землянке. Я была первым комсоргом, депутатом в Бердске. Работала бригадиром крановщиков. Никакого транспорта не было. В театр «Красный факел», в город, мы плавали на барже с буксиром — часа три. С левого на правый берег — на катере. Но жили хорошо, весело».

Дорогие наши ветераны! Мы бесконечно благодарны вам за ваш подвиг. Воспоминания, свидетельства той эпохи для нас бесценны: ведь из каждой персональной истории складывается общая история страны.

Подготовили В.В. Бакакин и М.Г. Бакакина
Фото из архива СО РАН и ИНХ СО РАН